

Корнеева Ю. С.

ЛОКАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОНСТРУКЦИИ ТАШТЫКСКИХ СКЛЕПОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/29.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 97-102. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Действительная проблема поэтому и состоит в том, чтобы использовать преимущества рамочной концепции «демократия-авторитаризм-тоталитаризм» для анализа конкретной ситуации, для более точного уяснения формирующихся властных механизмов и способов разрешения политического по своей природе конфликта между обществом и государством.

В своей работе мы пришли к выводу, что исторический вектор изменений объективно не может быть задан и предопределен. Необходимо помнить, что на первый план постоянно выступают моменты вариантности, непоследовательности и неопределенности результатов. Изучая трансформацию как феномен, следует постоянно акцентировать внимание на таких характеристиках политической системы, как непредсказуемость системных перемен, промежуточность и вариативность формируемой общественно-политической системы.

Однако же, само по себе исследование политического процесса в рамках транзитологической парадигмы, на наш взгляд, вполне правомерно и имеет массу реальных позитивных возможностей. Во-первых, можно представить ход политической жизни как постоянно изменяющееся социальное бытие идей, общественных групп, политических институтов, практик, не фиксируемое в категориях статике, так как сам политический процесс - динамичное явление с множеством возможностей и направлений. Во-вторых, транзитологический подход сосредоточен на выделении и анализе факторов политических изменений. Можно конечно принимать или отвергать намечаемые многими исследователями параметры, но не вызывает сомнений сам подход, в данном случае институционализм и функционализм в их новых интерпретациях (А. Этzioni, Д. Норт и др.). В-третьих, именно транзитологическая парадигма исследования политических процессов становится основой рассмотрения нестабильных, неустойчивых, но в то же время остающихся сложноорганизованными систем в их наиболее трудный период развития - поиска оптимальной формы самоорганизации на основе переосмысления мирового опыта и актуализации своего историко-культурного потенциала. Таким образом, временные характеристики при исследовании многих важных аспектов политического процесса приобретают характер исторически определенного и привязанного к соответствующей социально-экономической среде духовно-культурного континуума. И, наконец, в-четвертых, транзитология стала серьезным научным направлением, которое увязывает глобальные мировые, долгосрочные тенденции развития (экономического, социально-политического, информационного плана) и локальные процессы. При этом появилась возможность не только рассмотрения общего процесса демократизации и его влияния на ситуацию в государствах «недемократических» или «переходных», но и определения факторов проявления тенденций к глобализации экономических отношений на данном уровне, усиления информационного воздействия ведущих держав мира как обладающих более мощным потенциалом средств массовых коммуникаций и т.д.

Учитывая вышеизложенное, *транзитарную форму интеграции*¹ можно определить, на наш взгляд, таким образом: это процесс соединения сходного, срастание в единую систему новых социально-экономических и политических институтов, процесс интеграции демократических ценностей и рыночных экономических механизмов, который сопровождается неравномерностью процесса становления данных субъектов и отношений между ними, формирование демократических институтов гражданского общества, на которое оказывается огромное влияние культурно-исторические, сложившиеся в переходном интегрирующемся обществе. Успех транзитарной формы интеграции зависит от многих факторов, основными являются интеграционная зрелость государств, политическая воля национальных элит, достаточный уровень развития экономики и готовность институтов гражданского общества активно взаимодействовать с властными структурами по вопросам интеграции новых форм государственного регулирования.

ЛОКАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОНСТРУКЦИИ ТАШТЫКСКИХ СКЛЕПОВ

Корнеева Ю. С.

Хакасский государственный университет

Таштыкские каменные сооружения – склепы являются уникальными памятниками и дают материал о племенах, проживающих на территории Хакасско-Минусинской котловины в начале нашей эры. Данный тип погребений просуществовал на протяжении трех столетий (V – VII вв.) [Вадецкая Э. Б. 1999: 129] и в дальнейшем трансформировался в каменные погребения чаа-тас [Евтюхова Л. А. 1948: 4].

Для таштыкских склепов характерны общие каноны их сооружения. Сначала выкапывали котлован и укладывали грунт на бортах. Затем по периметру котлована сооружали стену-крепиду из плашмя уложенных плит песчаника. С западной стороны склепа конструировался вход, а стены внутри котлованов либо облицовывали плитами и низкими клетями из бревен, либо двойной бревенчатой стеной – тыном и срубом. Сверху склепы покрывались бревенчатым потолком и засыпались плитками и дерном [Археология Хакасско-Минусинского края 2003: 180].

Однако, конструкция каждого склепа отличается своими особенностями. Впервые на такие различия обратил внимание Л. Р. Кызласов.

¹ Данное определение является научной новизной автора диссертации.

До 1950 г. в методике раскопок слабое внимание уделялось конструкции погребальных сооружений. Для таштыкских склепов отмечались лишь общие черты их внутреннего устройства, и не ставилась цель специально проследить высоту и диаметр каменной стенки, особенности конструкции входа, или его полное отсутствие, отличительные черты наземного сооружения [Киселев С. В. 1941: 306 – 308; Левашева В. П. 1949: 91 – 94].

Л.Р. Кызласов при исследовании склепов на Сырском, Изыхском и Койбальском чаатасах конструкцию погребений изучил более детально и разделил их на 2 типа: склепы под юртообразными земляными курганами и склепы под усеченно-пирамидальными земляными курганами. При разработке данной типологии исследователь указал на различия погребальной конструкции склепов правого и левого берега. По его мнению, для склепов правобережья характерно сооружение юртообразных земляных курганов на поверхности, в камере которых отсутствуют стены из частокола, входы-дромосы и герметические закурорки камеры берестяными плитами. В устройстве склепов левобережья все перечисленные элементы присутствуют, а земляная насыпь имеет усеченно-пирамидальную конструкцию [Кызласов Л. Р. 1960: 18].

Однако утверждение Л.Р. Кызласова об абсолютном разграничении таштыкских склепов по конструкциям на правобережные и левобережные требует корректировки. Еще в 1883 г. А. В. Адрианов раскопал на Тагарском острове таштыкский склеп, имеющий усеченно-пирамидальную насыпь [Вадецкая Э. Б. 1999: 278 – 279]. Подобный по конструкции склеп был исследован в 1938 г. В.П. Левашевой возле деревни Быстрая [Левашева В.П. 1949: 91 – 94]. Раскопки М. П. Грязнова таштыкских склепов у горы Тепсей в 1968 – 1970 гг. окончательно опровергли выводы Л. Р. Кызласова [Грязнов М.П. 1979: 90 – 93, 105 – 108]. В современной историографии точка зрения исследователя сводится к делению таштыкских склепов на две группы: большие и малые.

Впервые подробную реконструкцию таштыкских склепов сделал архитектор Л.Н. Баранов. Он обратил внимание, что вход в склеп следует искать не в стенах крепицы, как это делали исследователи во время раскопок, а посередине юго-западной стенки. Данный факт Л.Н. Баранов объяснил тем, что склепы действовали непродолжительное время (в течение одного сезона) и их верхняя часть достраивалась только после заполнения склепа. Также реконструкция показала, что склепы поджигались не изнутри, а сверху, поэтому большая часть конструкции и погребального инвентаря внутри камеры сохранились [Баранов Л. Н. 1992: 214 – 217].

В дальнейшем его работы легли в основу монографии Э.Б. Вадецкой «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири». Обращая внимание на разнообразие в конструкции таштыкских склепов, она выделила 3 их варианта: сложные, усложненные и простые. Она объяснила такие особенности существованием этнических различий погребенных [Вадецкая Э. Б. 1999: 129].

Основой исследования конструкций склепов стали опубликованные материалы и отчеты о раскопках таштыкских каменных сооружений. Результаты сравнительного анализа, количественного, качественного и картографического методов показали наличие четырех локальных групп таштыкских склепов: 1) долина р. Абакан; 2) правобережье р. Енисей; 3) Сыдо-Ербинская котловина; 4) Чулымо-Енисейская котловина (Рис. 1, 2; Таблица 1).

В ходе применения картографического метода, основой послужила карта, опубликованная в монографии Э.Б. Вадецкой, отражающая размещение таштыкских могильников [Вадецкая Э. Б. 1999: 11].

Долина р. Абакан отличается скоплением склепов сложной конструкции. К ним относятся: ташебинский склеп № 1, таштыкский склеп могильника Белый Яр III, 10 склепов раскопанных на Уйбатском чаа-тасе, а также склепы, раскопанные Л.Р. Кызласовым на Сырском, Изыхском и Койбальском чаа-тасах (Таблица 1, Рис. 1, 2).

Для них характерны котлованы глубиной от 1,2 до 1,5 м., площадью 50 – 80 м², двойные бревенчатые стенки камер (тын и сруб в 3 – 5 венцов), пол из деревянных бревен, плоская, либо пирамидальная крыша и вход трапецевидной формы, выложенный чаще из бревен. Склепы же простой и усложненной конструкции в данной местности встречаются в единичном случае.

На Уйбатском чаа-тасе склеп № 4 отличался простой конструкцией. На поверхности склеп был отмечен развалом каменной насыпи площадью 7,5*7,5*0,20 м, с западной стороны которого обозначен вход двумя вкопанными плитами длиной около 1 м. Вход был прямоугольный. Внутри котлована сооружен сруб в один венец 3,5*3,5, на глубине 70 см. [Вадецкая Э. Б. 1999: 250].

Склеп № 2 на Ташебинском чаа-тасе относится к варианту усложненной конструкции. По описанию он полностью соответствовал характеристике данного типа. Котлован площадью 8 * 8 м, глубиной 80 – 90 см. имел внутри сруб площадью 49 м². Сруб сложен клетью в 3 венца, бревна обложены берестой. На борту ямы в нескольких местах стояли столбики на плитках, что свидетельствует о существовавшей ранее наземной конструкции [Вадецкая Э. Б. 1999: 242].

В 2003 г. возле улуса Чарков А. И. Поселяниным раскопан таштыкский склеп усложненной конструкции. Сооружение имело отличительные особенности. Внешний контур квадратной каменной кладки оформлен специально подобранными прямоугольными валунами гранита. Это 7 камней, 3 из них специально подобранные треугольно-пирамидальной формы установлены вершинами вверх. В трех углах кроме северо-восточного стояли вертикальные серо-черного цвета гранитные валуны-стелы. Также спецификой сооружения является наличие полатей, от которых в южной части котлована сохранилось четыре вертикальных столба и остатки дощатого настила, которым они, по всей видимости, перекрывались. Указанная деталь в конструкции склепов усложненного типа встречается редко [Поселянин А. И. 2004: 11 – 13].

Наибольшим разнообразием в конструкции отличаются таштыкские каменные сооружения правобережья р. Енисей. Здесь преобладает традиция возведения склепов простой (9 случаев) и усложненной (в 6 случаях) конструкции. Погребений сложной конструкции всего пять: склепы № 1 и 2 под горой Тепсей, склеп № 1 на Тагарском острове склеп возле деревни Быстрая, склеп на Староозначенной переправе (Рис. 1, 2; Таблица 1). В своем устройстве некоторые склепы правобережья имеют ряд отступлений по сравнению с погребениями других районов Хакасско-Минусинской котловины.

Среди сооружений сложной конструкции обращает на себя внимание склеп, раскопанный в 1938 г. В. П. Левашевой возле деревни Быстрая. В отличие от других погребальных камер стены котлована были обставлены только вертикальными бревнышками (тыном), не имея сруба. Склеп не имел какой-либо надземной конструкции, яма была перекрыта бревнами в виде двойного наката: вдоль и поперек, а пол выстлан каменными плитами [Левашева В.П. 1949: 91 – 94]. Конструкция остальных четырех сложных склепов соответствует сооружениям долины р. Абакан.

Из склепов усложненной и простой конструкций к нестандартным относятся: склеп с двумя камерами возле с. Сыда (раскопки С. В. Киселева 1929 г.), склеп № 3 под горой Тепсей, склеп № 1 и тагаро-таштыкский курган № 2 под горой Думная (раскопки В. Г. Карцева).

Склеп, раскопанный возле с. Сыда, отличался сооружением каменной стены поверх тагарской ограды. В двух расположенных рядом углах (сев. – вост. и юго – вост.) выкопали две ямы, по краям которых на поверхности врыты ребром плиты [Вадецкая Э. Б. 1999: 261].

Склеп № 3 под горой Тепсей имел простую конструкцию с некоторыми отступлениями. Кладка его стен, в отличие от других сооружений, разделена на 8 секций вертикальными плитами [Грязнов М. П. 1979: 113].

Уникально устройство склепа № 1 под горой Думная. Сооружение на поверхности представляло прямоугольную каменную стену с закругленными углами и входом с южной стороны. Внутри котлована вместо одного было сконструировано два сруба. Оба сруба не были скреплены в углах, а бревна просто уложили друг на друга. Э. Б. Вадецкая предположила, что второй сруб использовался в качестве ограждения для костра [Вадецкая Э. Б. 1999: 281].

Тагаро-таштыкский курган № 2, в отличие от других таштыкских склепов, сооружен поверх тагарского кургана. Внутри котлована сконструирован сруб в 2 венца, в южной части которого прослеживались столбики [Вадецкая Э. Б. 1999: 281]. Можно предположить, что они служили подпорками для поластей, остатки от которых не сохранились, что стало еще одним отличительным признаком склепа. Так как полаты в склепах простой конструкции встречаются в редких случаях.

Остальные склепы правобережья в устройстве полностью соответствуют классическому варианту. К сооружениям усложненной конструкции относятся: склеп в логу Джесос, склепы № 1 – 2 и тагаро-таштыкский курган 1 под горой Думная, склеп возле деревни Быстрая. Их стены, как правило, имели наземное деревянное сооружение, котлован глубиной в среднем от 70 до 100 см., на дне которого помимо плит и рамы иногда ставили низкие срубы в 2 – 3 венца [Вадецкая Э. Б. 1999: 265 – 266, 281 – 282; Поселянин А. И. 2002: 5 – 7].

Склепы простой конструкции – склеп в 0,5 км к С от бывшего с. Усть-Сыда (раскопки С.В. Киселева в 1929 г), склеп № 4 под горой Тепсей (раскопки М.П. Грязнова), склеп № 2 возле заимки Усть-Тесь (раскопки С.В. Киселева в 1932 г.), склеп возле р. Дальняя Чая, склепы 1 – 2 на кряже Малый камешек (раскопки А.В. Адрианова). Для них характерны неглубокие котлованы 50 – 70 см., стенки которых обставляли плитами, иногда прижатыми срубом в два венца, либо деревянной рамой в 1 венец. Деревянное перекрытие отсутствовало.

Характерной особенностью правобережья, также является расположение склепов сложной конструкции. Все они находились на побережье р. Енисей и в благоприятных местах для занятия скотоводством (Рис. 2).

На левобережье р. Енисей вырисовывается несколько иная картина. Здесь из раскопанных таштыкских склепов преобладают погребения усложненной конструкции. По нашим подсчетам выявлено два склепа сложной конструкции, десять усложненной и шесть простой конструкции (Таблица 1, Рис. 1, 2).

Склепы сложной конструкции раскопаны на могильнике Барсучиха IV: склеп № 4 и № 5. В своем устройстве они мало, чем отличаются от больших склепов правобережья и долины р. Абакан. В склепе № 5 обращает на себя внимание пристройка каменной стены, придающая надземной части сооружения форму удлиненной трапеции [Вадецкая Э. Б. 1999: 225 – 227].

Погребальные камеры усложненной конструкции отличаются сооружением и функционированием входа.

В склепах под № 1 на могильниках Красная Грива и Мысок, и склепе 6 могильника Барсучиха IV проход выполнял условную роль и обозначен лишь одним бревном в виде порога с западной стены [Вадецкая Э. Б. 1999: 211, 216].

Несколько отличался вход в склепах № 2 могильника Красная грива и № 3 могильника Мысок. Вероятнее всего в данных погребениях он также был условным, но имел другое устройство. Проход к яме отмечен двумя бревнами и вырублена приступка, выложенная из камней в западной стенке [Вадецкая Э. Б. 1999: 211, 216].

И только в двух погребениях вход выполнял подлинное значение. В склепе № 4 могильника Красная Грива вход устроен в северо-западной стенке погребения в виде 4 – 5 круто спускающихся ступенек, на которые положили по бревну и укрепили по бокам тонкими вертикальными плитками [Вадецкая Э. Б. 1999: 212].

В склепе № 4 могильника Терский вход представлял постепенный спуск в яму, начинающийся с поверхности земли. Для него была прорыта неглубокая ямка с заплечиками, на которых сложены из плит боковые стенки хода, облицованные снаружи тонкими вертикально вкопанными плитами. Вдоль длинных стен на дне входа лежало на плитах по бревну. Концы бревен входа были вставлены между верхними венцами сруба. В камеру вела ступенька в виде большой плиты, закрытой берестой [Вадецкая Э. Б. 1999: 219].

Иная традиция в сооружении таштыкских склепов отмечается в Чулымо-Енисейской котловине. Здесь преобладают погребения сложной и простой конструкции (Таблица 1, Рис.1, 2). Из двенадцати склепов насчитывается 2 простой конструкции - Хызылар скл. 4 и склеп с побережья р. Белый Июс [Худяков Ю. С. Новосибирск 1980: 101 – 103; Вадецкая Э. Б. 1999: 205], 6 сооружений сложной конструкции - Шестаково I скл. 1, Шестаково II скл. 4, Соколовский разезд скл. 2, 3, Маркелов Мыс скл. 16 и 34 и 1 усложненный - Хызылар скл. 3.

Отличительной чертой конструкции сложных склепов Чулымо-Енисейской котловины является их миниатюрность по площади и глубине. Если площадь сложных склепов долины р. Абакан в среднем составляла 5 – 8 м², а глубина 1,5 м, то в данном случае площадь в среднем не превышала 38 м², а глубина 70 см.

Следует согласиться с мнением Л. Н. Баранова и Ю. В. Тетерина, что подобного рода погребальные сооружения не функционировали в течение длительного времени, а заполнялись покойными за один сезон, после чего происходило их сожжение [Баранов Л. Н. 1992: 214 – 217; Тетерин Ю. В. 2003: 284].

Таким образом, в конструкции таштыкских склепов отмечается четыре локальных варианта. В долине р. Абакан преобладала традиция сооружения склепов сложной конструкции, для склепов правобережья р. Енисей характерна простая и усложненная, в Сыдо-Ербинской котловине доминируют погребения усложненной конструкции и в Чулымо-Енисейской котловине распространены склепы простой и сложной конструкции.

Однако на севере Хакасско-Минусинской котловины сложные склепы имели одну отличительную черту – их площадь и глубина в среднем равнялась площади и глубине сооружений простой конструкции. А в ряде сооружений правобережья и левобережья р. Енисей отмечены отступления от их традиционных форм.

Список литературы

Археология Хакасско-Минусинского края / Под ред. Бутанаева В. Я. - Абакан, 2003. - 224 с.

Баранов Л. Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 162 – 165.

Баранов Л. Н. Таштыкские склепы у г. Тепсей // Северная Евразия от древности до средневековья. ТК к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. - СПб., 1992. - С. 214-217.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. - СПб., 1999. - 439 с.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. - 109 с.

Киселев С. В. Хакасская автономная область // Археологические исследования в РСФСР в 1934 – 1936 гг.: краткие отчеты и сведения / Отв. ред. М. И. Артамонов. - М. – Л., 1941. - 327 с.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. - М., 1960. - 198 с.

Левашева В. П. Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной области // КСИИМК. - 1949. - Вып XXV. - С. 91 - 102.

Поселянин А. И. Отчет о раскопках погребально-поминального комплекса Чарков 22. - Абакан, 2004.

Тетерин Ю. В. Археологические исследования на юге Красноярского края в 1992 г. - Новосибирск, 1996.

Тетерин Ю. В. Таштыкские склепы могильника Маркелов мыс 1 // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. - СПб., 2003. - Книга 2. - С. 282 – 285.

Тетерин Ю. В. Отчет о раскопках памятников таштыкской культуры в Новоселовском и Шушенском районах Красноярского края в 2004 г. - Новосибирск, 2005.

Приложение.

Таблица 1.

Количественное соотношение таштыкских склепов по конструкциям в Хакасско-Минусинской котловине

Локальная группа	конструкция			
	сложная	усложнен	простая	сложная глуб. 50 – 90 см.
долина р. Абакан	16	1	1	0
правобережье р. Енисей	5	6	9	0
левобережье р. Енисей	2	11	6	0
Чулымо-Енисейская котловина	1	1	2	6

Рис. 1. Количественное соотношение таштыкских склепов по конструкциям в Хакасско-Минусинской котловине

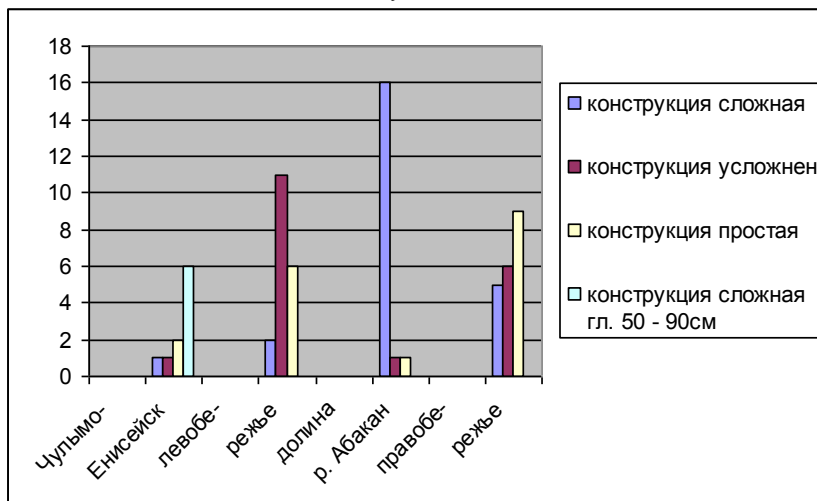
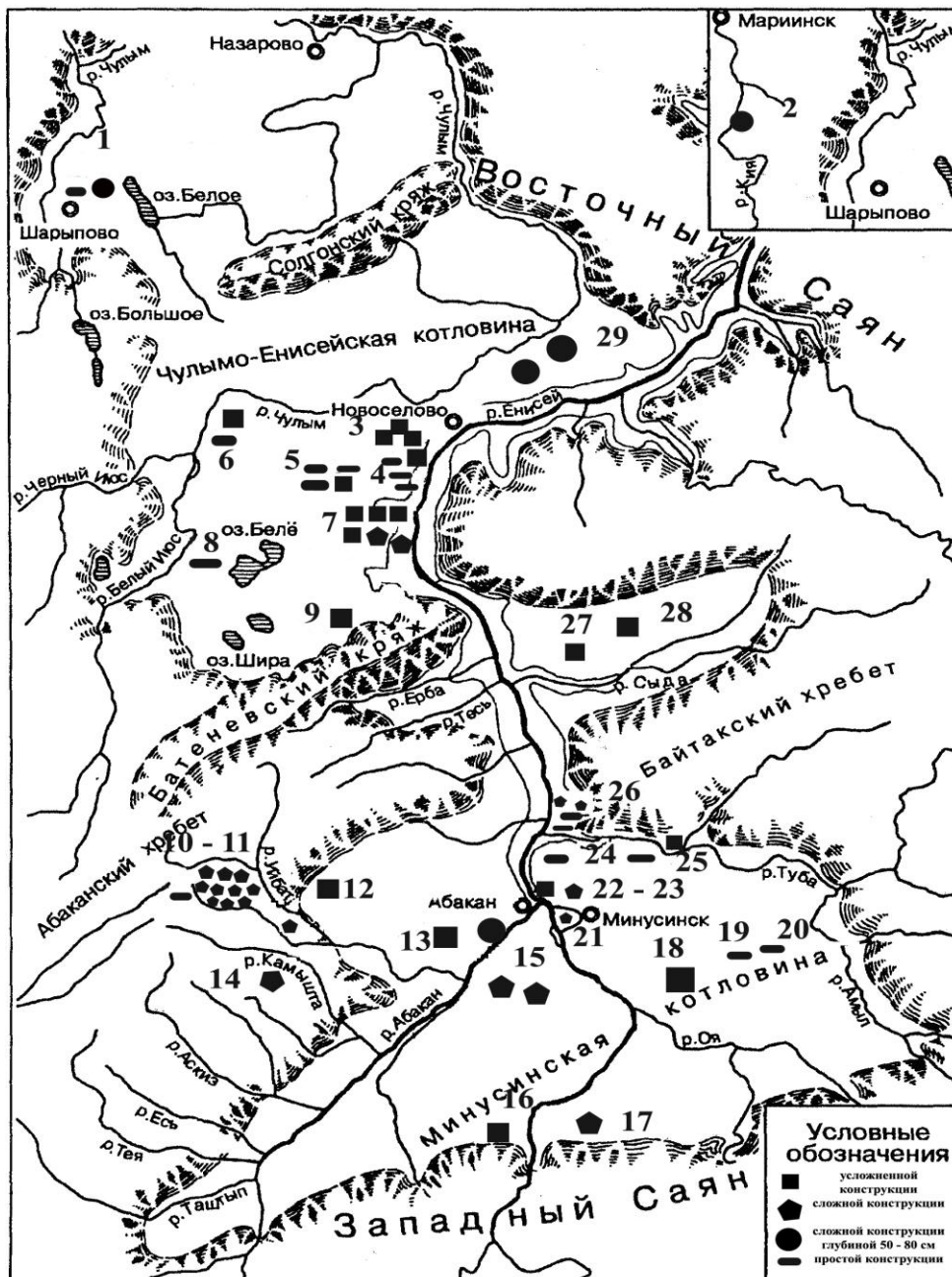

рис. 2. локальные различия таштыкских склепов по конструкции

Название могильников

1. Соколовский разъезд. Раскопки Э. Б. Вадецкой, 1988 г.
2. Шестаковский могильник. Раскопки М. Б. Абсалямова, 1978 г.
3. Красная грива. Раскопки Э. Б. Вадецкой, 1986 – 1988 гг.
4. Мысок. Раскопки Э. Б. Вадецкой, 1968 г.
5. Терский. Раскопки Э. Б. Вадецкой, 1987 – 1989 гг.
6. Хызылар. Раскопки Ю. С. Худякова, 1977 – 1978 гг.
7. Барсучиха IV. Раскопки Теплоухова С. А., 1923 г., Е. Ф. Седякиной, 1960 г., А. А. Гавриловой и М. П. Грязнова, 1967 г.

8. Белый Июс. Раскопки Н. А. Боковенко, 1991 г.
9. Горькое. Раскопки С.А. Теплоухова, 1924 г.
10. Уйбат I. Раскопки В. П. Левашевой, С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой, 1936, 1938 гг.
11. Уйбат II. Раскопки С. В. Киселева, 1938 г.
12. Чарков XXII. Раскопки А. И. Поселянина, 2003 г.
13. Ташебинский чаатас. Раскопки Е. Д. Паульса, 1990 г.
14. Сырский чаатас. Раскопки Л. Р. Кызласова, 1950 г.
15. Изыхский чаатас. Раскопки Л. Р. Кызласова, 1951 г.; Койбальский чаатас. Раскопки Л. Р. Кызласова, 1970г.
16. Степнока II. Раскопки Д. Г. Савинова, 1985 г.
17. Староозначенная переправа. Раскопки Ю. В. Тетерина, 1992 г.
18. Кривинское. Раскопки С. В. Киселева, 1928 г.
19. Думная. Раскопки В. Г. Карцева, 1930 г.; В. П. Левашевой, З. И. Глузской, 1939 г.
20. Малый камешек. Раскопки А. В. Адрианова, 1895 г.
21. Тагарский остров. Раскопки А. В. Адрианова, 1883 г.
22. Быстрая I. Раскопки В. П. Левашевой, 1938 г.
23. Быстрая II. Раскопки А. И. Поселянина, 2000 г.
24. Дальняя Чая. Раскопки Э. Б. Вадецкой, 1976 г.
25. Усть-Тесь. Раскопки С. В. Киселева, 1928, 1932 гг.
26. Тепсей III, IV. Раскопки М. П. Грязнова, 1968 – 1970 гг.
27. Усть-Сыда. Раскопки С. В. Киселева, 1929 г.
28. Сыда. Раскопки С. В. Киселева, 1929 г.
29. Маркелов Мыс. Раскопки Ю. В. Тетерина, 1992, 2004 гг.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КНИГИ В СРЕДЕ СТАРООБРЯДЦЕВ

*Костров А. В.
Иркутский государственный университет*

Достаточно яркой частью российского общества, имеющей свою богатую книжную традицию, является старообрядчество. Книга стала не только важной частью религиозной культуры староверов, но и неотъемлемым атрибутом их повседневной практики.

В старообрядческом стихе об Иоанне Предтече говорится: «Послал Господь три дара: уж как первый дар – крест и молитву, второй дар – любовь и милостыню, третий дар ночное моление, четвёртую заповедь – читательную книгу» [Рябушинский 1994: 136]. Анализируя этот текст, В.П. Рябушинский писал, что книга у старообрядцев «выделяется в особую категорию: она не дар, а заповедь, не самоцель, а нечто подсобное для высшего, чем она сама, для даров Божиих, однако книга ... настолько нужна и близка душе древлеправославного человека, что, даже говоря о высшем, он её не забывает». По мнению этого автора именно уважительность к книге, кроме прочего, отличает староверов от других «русских религиозных групп» [Рябушинский 1994: 138]. И действительно, уважительность к книге в среде того же старообрядческого крестьянства была более высока, чем в среде крестьян последователей официального православия. В итоге это привело к более высокому проценту грамотности в их среде. Например, по данным И.В. Поздеевой, если общий процент грамотного населения в Европейской России в 1908 г. составлял 23 %, то среди староверов – 36 %, «а в северных старообрядческих губерниях – даже 43 %» [Поздеева 2001: 8]. Подобная ситуация сложилась и в Сибири.

Это подтверждается полевыми материалами, собранными у старообрядцев Байкальского региона. Например, в семьях старообрядцев-семейских до сих пор можно встретить не только отдельные фолианты, изданные подпольными старообрядческими типографиями (которых известно около 30) в XVIII-XIX в. и легальными старообрядческими издательствами начала XX в., но и целые библиотеки и коллекции рукописей. (Очень редко, но всё же попадают в руки исследователей книги XVII и более ранних веков).

Особый интерес представляют рукописи, которые имели широчайшее распространение в старообрядческой среде во второй половине XVII в., в имперский и даже в советский периоды. Эти рукописи, как правило, имеют богослужебный, верочитный или полемический характер и возникли как следствие большой потребности старообрядцев в религиозном чтении. А так как, не смотря на активную деятельность подпольных, а с 1905 г. легальных старообрядческих типографий, печатной продукции всегда не хватало, то староверы часто сами брались за переписывание священных или полемических текстов. При этом надо заметить, что в полемической атмосфере исторической реализации староверия, адептами движения нередко создавались оригинальные литературные памятники. В мотивационном же ряду переписывания текстов было и убеждение, что ручное копирование священного текста приравнивается к служению Богу. Как следствие, самые начитанные старообрядцы нередко создавали рукописные сборники. А иногда это делалось под заказ состоятельного единоверца, который хотел расширить свою библиотеку конкретными произведениями.